

Глава первая

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

Вагон-ресторан был древний. Сделанный ещё в конце двадцатого века — я увидел на стенке вагона потускневшую дюралевую табличку: «Тверской вагоностроительный завод, сентябрь 1999 г.».

Я даже расчувствовался.

Когда этот вагон выпустили, я пошёл в детский сад. Люди готовились праздновать миллениум, не подозревая, что тысячелетие кончится только в 2001 году. Путин ещё не был ни президентом, ни премьером, ни председателем контрольного государственного совета. Восставшие существовали только в Голливуде, ну а про квази и речи не шло.

Близившийся к тридцати годам возраст вагон перенёс достойно, хоть в нём всё и было старомодно: маленькие столики с застиранными серовато-белыми скатертями, вместо стульев — жёсткие диванчики на двоих, на столиках — стаканы в мельхиоровых подставочниках, искусственные цветы в пластиковых вазочках, минералка в стеклянных бутылках. Над окнами висели маленькие телевизоры, где под тихую мелодию крутились рекламные ролики РЖД с ее неполиткорректным слоганом: «Соединяя живых». РЖД никогда не отличалась политкорректностью.

Несмотря на поздний час и убогий интерьер, вагон-ресторан был полон. Существует такая традиция в России — сев в поезд, немедленно начать есть.

Ну ладно, не обязательно есть. Можно закусывать.

Я подошёл к барной стойке, за которой стоял молодой, лет двадцати с небольшим, парень. Взгляд у бармена был таким гордым, будто он не пиво разливал в вагоне-ресторане между Москвой и Санкт-Петербургом, а работал как минимум в «Восточном Экспрессе».

— Будете ужинать? — спросил бармен. Бейджик на форме гласил, что зовут его Володей.

Я скосил глаза на меню. Солянка вегетарианская сборная питерская, котелок сборный томлёный донецкий, кролик тушёный с рисом, рагу из свинины по-лугански, картошка жареная на сковородке с грибами, салат «Московский» из азербайджанских помидоров и узбекского лука...

— Пожалуй, нет, Володя. Два бутерброда с колбасой и бокал «Балтики», — сказал я.

Бармен погрузился, но налил мне пива и выдал бутерброды. С добычей в руках я прошёл по вагону и остановился у столика, где сидел в одиночестве крупный мужчина с грубым угловатым лицом. Перед мужчиной стоял пустой котелок и почти допитый графинчик водки.

— Свободно? — спросил я.

Мужчина медленно поднял на меня взгляд. Черты его лица были столь рублены, грубы и асимметричны, что мне немедленно вспомнилось несчастное творение доктора Виктора Франкенштейна в исполнении Бориса Карлоффа.

— Вполне, — сообщил мужчина и зачем-то сдвинулся по диванчику к окну, будто решив, что я хочу присесть рядом с ним.

Может, у него уже не первый графинчик?

Я сел напротив. Поставил на стол тарелочку с бутербродами, отхлебнул пива.

— Вы, вероятно, москвич, — предположил мой со-трапезник.

— Угу, — вгрызаясь в бутерброд, буркнул я.

Мужчина понимающе кивнул. Посмотрел в окно, за которым безраздельно царила тьма Замкадья. Сказал:

— Два мира — две судьбы.

— Что? — не понял я.

— Ну... — мужчина развёл руками и словно бы пригорюнился от моей недогадливости. — В Москве — свет на улицах, машины гудят, магазины работают... А повсюду тьма, ужас и опустошение.

— Мёртвые с косами стоят, — поддакнул я.

Мужчина подозрительно посмотрел на меня.

Спросил:

— Довольны?

— Чем?

— Всем этим.

— Разве можно быть этим довольным? — удивился я.

Мужчина хмыкнул. Пояснил:

— Вы, москвичи, всю жизнь себя от России-матушки отделяли. Насмехались. Мол, только у вас хорошо. А за Мкадом жизни нет. Ну вот, дождались. Довольны?

— Почему насмехались? — поразился я.

Мужчина скептически улыбнулся.

— А то нет? Тамбовчане — волки тамбовские. Пермяки — солёные уши. Рязанцы — косопузы. Ростовцы — вислоухие.

— Ну так и москвичей по-всякому обзывают, — сказал я. — И вообще, во всем мире у всех прозвища есть.

Это ж обычное дело. И внутри страны, и между странами. Да и всё это дело давнее, мало кто сейчас и вспомнит эти прозвища. И не всегда они обидные.

Мой собеседник прищурился:

— Косопузые — не обидно?

— Нет, — сказал я. — Потому что прозвище это, как нетрудно догадаться, пошло от топора, заткнутого за пояс. Дикая Степь рядом была, без топора в путь не отправлялись. Героическое прозвище. Гордиться можно.

Налив себе рюмку, мужчина буркнул:

— Дело давнее... Вот на вас тоже пиджачок косо висит, топорщится!

— Есть такое, — вздохнул я. — Кстати, и слово «топорщится» тоже от топора под одеждой произошло.

— В Питер-то по делам? — спросил он, меняя тему разговора. — Или турист?

— По делам, — признался я.

— Люблю я Питер, — с вызовом сказал мужчина. —

Люди там лучше.

— Жалко, что мало их там.

— А квази вам не люди?

— Квази — они квази. — Я допил пиво.

— Вы человеческий шовинист.

— Вы так говорите, будто в этом есть что-то плохое, — ответил я.

Мужчина фыркнул. Спросил:

— А вам не интересно, откуда я?

— Если честно, то нет. — Я посмотрел на часы. —

Спасибо за компанию, но мне пора. Приятного аппетита.

Я встал и поправил пиджак. Он действительно сидел на мне очень косо. Пошёл к тамбуру мимо ужинающих людей.

В вагонную дверь глухо стукнули. В перестуке колёс я скорее почувствовал, чем услышал толчок. Потом ещё один.

Будто кто-то тупо бился в дверь, вместо того чтобы повернуть ручку...

На миг я остановился, глядя на дверь.

Ручка задёргалась — вниз-вверх, вверх-вниз. Снова толчок. Теперь такой сильный, что его услышали все, — люди стали поворачивать головы.

Я побежал к двери, откинув на ходу полу пиджака.

Ручка снова дёрнулась и пошла вниз — на этот раз увереннее. Дверь начала открываться.

— Не двигаться! — крикнул я, толкнул обратно на диванчик привставшего и загородившего дорогу пассажира, устремился к двери.

Ручка дошла до низа — и дверь распахнулась от очередного удара.

В проёме дверей стоял восставший.

Свеженький. Молодой парень лет двадцати. Наверное, совсем недавно я бы про него сказал «кровь с молоком» — был он крепким, с пухлыми, не знающими толком бритвы щеками, робкими усиками над губой. Они ехали по соседству с рестораном, в восьмом вагоне, пару часов назад я видел, как они садились — десятка три молодых парней в курсантской форме, будущие военные моряки, шумные и весёлые, в сопровождении двух офицеров постарше. Они несли маленькие чемоданчики с вещами, почти все бодро, с аппетитом жевали шаурму, купленную тут же, у вокзала.

А вот когда я проходил через их вагон — там было удивительно тихо. Я даже отметил мысленно, что дисциплина у курсантов на высоте, сели в поезд — и спать.

Да что же с ним случилось?

Никаких ран на парне не было. Просто умер и восстал? И никто из друзей-приятелей не заметил?

— У-у-у-эээ... — тяжело выдохнул курсант. Форма до сих пор сидела на нём ладно, будто на живом. Значит — даже не успел раздеться и лечь спать.

На какой-то краткий миг я вдруг предположил и тут же уверился, убедил сам себя, что это дурацкий, гадкий, омерзительный розыгрыш. Совсем молодёжь с ума посходила, восставшим притворился! Может, на спор, на слабо, «на американку»; может, от той удали, что кипит в двадцатилетних и во все времена толкает их на глупости.

И эта синюшность ещё недавно розового лица — всего лишь краска из детского набора, эти пустые мёртвые глаза с безжизненно-большими зрачками — глазные капли и немножко лицедейства. Сейчас я схвачу парня за плечо, встряхну, а когда он разразится хохотом — отвешу ему такую плюху, что он её и на пенсии вспоминать будет...

Я даже протянул к курсанту руку — как раз в тот миг, когда его мёртвые глаза неуверенно уставились на сидящую за столом женщину. Красивую, яркую женщину: длинные рыжие волосы, холеное лицо, глаза большие, выразительные, фигура, что называется, роскошная. Одета в чёрное вечернее платье «в пол», скрывающее только то, что надо скрыть, и туфли на каблуках. И это в вагоне-ресторане старого поезда!

Даже то, что сейчас женщина застыла, держа у открытого рта вилку с кусочком жареной свинины из котелка, её не портило.

— Уэээ! — протянул курсант уже бодрее, с воодушевлением. Лицо его мелко задёргалось, руки затряслись. У свежих восставших очень плохо с моторикой.

Нет, это не было глупой шуткой.

Это был восставший.

Пару часов назад, на перроне, он смотрел бы на эту женщину с совсем другим вожелением.

А теперь она для него была всего лишь живой пищей, к которой его неудержимо тянуло. С секунды на секунду восставший ускорится и метнётся к жертве...

Я выдернул из скрытых под пиджаком ножен короткое мачете «Голок» — и рубанул бывшего курсанта по плечу.

— Ээээ! — заворчал восставший, поворачиваясь ко мне. Из глубокого разреза медленно сочилась, пропитывая темно-синюю форму, густая кровь. Движения курсанта убыстрились, заметно лишь для тренированного взгляда — но у меня он очень тренированный. Через мгновение восставший перейдёт в стадию охоты. Как-то удивительно быстро!

Вот тогда я и ударил второй раз, снося ему голову.

Рыжая женщина вскрикнула, когда тело тяжело упало к её ногам. Я заглянул в тамбур — там никого не было, захлопнул дверь, обернулся.

Все посетители вагона-ресторана смотрели на меня. Колёса стучали, женщина кричала, а так — было тихо.

— Квази! — крикнул я. — Есть квази на территории?

Молчание.

Рыжеволосая перестала кричать. Быстро собралась, молодец.

— Квази! — ещё раз позвал я.

Тишина.

Да я и сам прекрасно помнил, что ни одного квази в вагоне-ресторане не встретил. Ну что за незадача — поезд идёт в Питер, в их столицу, и никого из разумных мертвяков рядом нет!

Мой недавний собеседник внезапно поднялся и с возмущением выкрикнул:

— Вы убийца! Вы убийца и садист!

— Почему? — удивился я, косясь через мутное дверное стекло в тамбур.

— Восставших надо арестовывать! Их нельзя мучать! Вы специально вначале порезали парня, я видел!

— Да, — признал я. — Специально. В надежде, что это всё-таки глупая шутка и передо мной человек... Эй, Володя, оружие есть?

Бармен полез рукой под стойку и вытащил здоровенный нож. Дверь, ведущая на кухню, приоткрылась, высунулся повар — дядька постарше и покрепче. У него в руках был внушительный тесак. Ну, хоть что-то.

— Я иду в шестой вагон, — сказал я. — Кому по пути — можем прогуляться.

— В случае появления восставших положено изолировать вагоны друг от друга путём закрытия межвагонных переходов, сообщить о происшествии машинисту и начальнику поезда, после чего ждать помощи! — отчеканил бармен.

— Молодец! — сказал я одобрительно. — Вот так и действуй! А я пойду. Желающие присоединиться есть? Желающих присоединиться...

— Пожалуй, воспользуюсь вашим предложением, — сказала рыжеволосая женщина и встала из-за стола. Платье заструилось вдоль её тела.

Я с сомнением окинул её взглядом — с головы до ног. К голове у меня претензий не было. К ногам тоже, но вот туфли...

Женщина сбросила туфли, оставшись в коротких белых носках, потом приподняла платье и кивнула мне:

— Режьте. По колено. Можно чуть выше.

— Да ничего себе! — воскликнул я с восхищением. Оттянул подол — блин, настоящий шёлк, небось платье

стоит, как крыло от самолёта. И аккуратно начал вспарывать платье лезвием мачете, предварительно вытерев его о брючину несчастного курсанта.

— Он сумасшедший! — воскликнул мой недолгий сосед по столу. — Нет, ну вы посмотрите, посмотрите, он сумасшедший, он опасен! Где он взял мачете? Ты где взял мачете, признавайся!

— На «скорой помощи» работал, украл у умирающего пациента, — ответил я. Кивнул женщине: — Пошли?

— Сейчас. — Она стоптала отрезанную половину платья, перешагнула, подошла к бармену Володе. Взяла из его рук рюмку — когда налить-то успел и кому? Себе, наверное... Выпила залпом. Потом взяла из его рук нож — бармен не пытался спорить, и, покачивая бёдрами, пошла ко мне между столиками.

Мысленно я ей поаплодировал.

А потом открыл дверь и вышел в тамбур.

Вагон выглядел мирно, как и положено честному купейному вагону на маршруте Москва—Санкт-Петербург. Традиционная ковровая дорожка на полу, приглушённый свет плафонов.

Людей не было видно. Ни живых, ни мёртвых. Вагон слегка потряхивало на стыках рельс, но шёл поезд очень мягко.

— Вам в какой вагон? — спросил я свою спутницу. — Кстати, я Денис. Денис Симонов.

— В пятый, — ответила она. — Меня зовут... зовут Александра. Александра Фадеева.

— Да ну, правда что ли... — пробормотал я, глядя вдоль коридора. — Как вы полагаете, товарищ Саша, он был один?

— Я полагаю, что мне надо в пятый вагон, — ответила она. — И быстро.

— Сын, дочь? — спросил я.

— Дочь и муж. Он собирался её уложить и подойти.

— Понятненько, — сказал я. — Держитесь за мной.

И аккуратно подёргал дверь последнего купе. Та приоткрылась — совсем на чуть-чуть, видимо пассажиры уже закрылись на ночь. Я заглянул в щель.

— Ну? — спросила Александра нервно.

Вначале мне показалось, что лежащие на полках курсанты спят. Торчали из-под простыней руки-ноги, позвякивала на столе ложечка в стакане — привычный, умиротворяющий звук поездов.

Потом я увидел, что высовывающаяся к самой двери голая стопа подёргивается. Равномерно, будто настраиваясь на какой-то беззвучный ритм. Сжались-разжались пальцы. Напряглись крепкие молодые мускулы.

— Плохо всё, — сказал я, прикрывая дверь. — Очень плохо. Идёмте.

— Мертвы? — спросила Александра, быстро идя за мной.

— Восстают.

Я заглянул в ещё одну неплотно закрытую дверь. Один курсант лежал на полу — видимо, упал с верхней полки. Голова у него была вывернута, шея сломана — но тело подёргивалось, потихоньку выправляя повреждения.

— Как? — спросила Александра. — Почему?

— Не знаю, — ответил я. — Видел их на вокзале, бодрые были ребята. Боюсь, моряки чем-то траванились. Знаете, Саша, я всегда опасался есть шаурму на вокзалах...

— Красивые были ребята, — тихо ответила Александра.

Мы тихо шли по вагону — пока не обнаружили открытое купе. Отсюда, похоже, и вышел незадачливый посетитель ресторана.

Трое его товарищей были внутри.

Один восставал — по телу волнами пробежала дрожь, он уже пробовал поднять голову. Второй стоял на четвереньках. Третий пытался выйти в коридор, но с координацией пока было плохо, его заносило вправо, и он бился головой о косяк. При нашем появлении несчастный издал мычащий звук и в очередной раз приложился лицом.

— Этого не может быть, — сказал я. С силой толкнул восставшего в грудь — тот, взмахивая руками, попытался, наткнулся на стоящего на четвереньках товарища, упал, присев на столик. Полупустая банка консервированных грибов со стуком упала со столика на пол.

— Чего не может? — спросила Александра.

— Все разом восстают! Период поднятия у каждого индивидуальный, кто-то быстро, а кто-то и денёк должен полежать...

Я захлопнул дверь купе. Решил:

— Значит, так. Сейчас мы идём в свои вагоны. Предупреждаем проводников. Катастрофы не случилось, все восставшие, кроме одного, пока здесь. Вагон изолируем, в Питере квази возьмут кадавров под контроль. Правильно? Головы пока постараемся не рубить.

Рыжая женщина кивнула, зачарованно глядя на меня. Спросила:

— Так вы когда-то работали на «скорой помощи»?

— Разве я похож на врача?

Женщина нервно засмеялась, пробормотала едва слышно какую-то ерунду: